

UNITED WISDOM

Маймонид: разум и пределы языка о Боге

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-26-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Маймонид: разум и пределы языка о Боге

«Невозможно истинно постичь Его».

Маймонид, «Путеводитель растерянных», I.59, собственный русский перевод краткого фрагмента английского перевода M. Friedländer; CCEL. В контексте речь о пределах постижения Божьей сущности, а не об отказе от философского исследования.

О чём эта статья

Назвать неизвестное порой легче, чем признать непонимание. Слова «бесконечная мудрость» звучат уверенно, но что именно они объясняют? Маймонид проверяет, не описали ли мы под видом Бога всего лишь увеличенного человека. Этот еврейский мыслитель XII века связывает серьёзное отношение к Торе с философским рассуждением. В «Путеводителе растерянных» он ограничивает приписывание Богу тела, составных частей и человеческих эмоций. Статья разбирает отрицательную теологию, различие сущности и действий, статус библейских образов и границу доказательства с гипотезой. Мы также увидим, почему знание может расти через устранение ошибки, не превращаясь в положительный портрет Божьей сущности, и как это ограничение меняет речь в молитве. Маймонид не выступает единственным голосом всей иудейской мысли. Практическая часть предложит проверить одно собственное сильное утверждение: какое основание оно имеет и где его язык обещает больше, чем мы знаем. Это самостоятельное современное применение, а не способ доказать или опровергнуть Бога коротким упражнением.

I. Мыслитель на пересечении традиций

Назвать неизвестное иногда легче, чем признать, что мы его не понимаем. Достаточно подобрать величественные слова: бесконечная мудрость, совершенная сила, высшая воля. Предложение звучит уверенно, хотя вопрос остаётся: что именно оно означает? Маймонид относится к такой уверенности подозрительно. Чем привычнее наше описание Бога, тем внимательнее он проверяет, не описали ли мы всего лишь увеличенного человека.

Маймонид жил в 1138–1204 годах. Он родился в Кордове, затем жил в других регионах и обосновался в Египте. Его деятельность включала толкование, систематизацию иудейского закона, философию и медицину. Для знакомства с историческим контекстом

здесь использована академическая статья Кеннета Сискина в Stanford Encyclopedia of Philosophy. Она помогает не отделять философа от его правовой и религиозной работы.

«Путеводитель растерянных» написан на иудео-арабском языке. Само название обозначает ситуацию читателя, для которого авторитет Писания и философское рассуждение кажутся вступившими в конфликт. Это не руководство человеку, который просто не может определиться с целью на неделю. Растерянность здесь связана с серьёзно принятыми, но трудно совместимыми способами понимания.

Простой ответ мог бы предлагать оставить разум за дверью религиозной жизни. Другой — объявить Писание устаревшим перед лицом философии. Маймонид выбирает более трудный путь: исследует, правильно ли мы понимаем текст и достаточно ли сильны доводы, на которые ссылаемся. Напряжение иногда возникает не между двумя истинами, а между буквальным образом и философским требованием, применёнными без различения.

Его интеллектуальная среда включает аристотелевскую философию и арабоязычные обсуждения метафизики. Однако нельзя представить его просто переводчиком чужой системы на религиозный язык. Он спорит, отбирает и меняет способ чтения. Для понимания важно сохранять историческую дистанцию: используемые им физика и космология не являются современной наукой, а философское доказательство для него не равнозначно нынешнему экспериментальному подтверждению.

Эта дистанция позволяет оценить работу точнее. Мы можем признать содержательность различения, не принимая всю средневековую картину мира. И наоборот, факт устаревания части естествознания не делает бессмысленным каждый вопрос о языке и границах знания. История философии требует видеть, какие предпосылки удерживают довод, а не решать судьбу всей мысли по одной современной метке «рациональная» или «религиозная».

II. Почему привычный образ может вводить в заблуждение

В первой главе «Путеводителя» Маймонид разбирает язык образа и подобия. Он отвергает вывод, будто человеческий облик сообщает телесное устройство Бога. Объяснение связано с интеллектуальной способностью человека, а не с формой лица и конечностей. Так читатель сразу встречает основное требование: слово следует понимать в подходящем значении.

Для обычной речи перенос значения естественен. Мы говорим, что решение «созрело», хотя у него нет кожуры, или что мысль «держится» на основании, хотя она не стоит на полу. Образ помогает выразить отношение. Но если перенести все свойства образа на предмет, возникнет ошибка. Из созревания решения не следует ботаника мышления; из

Божьей «руки» не следует анатомия Бога. Эта современная языковая аналогия поясняет проблему, не заменяя маймонидовскую аргументацию.

Отказ от буквального понимания не обязательно является отказом от серьёзности текста. Напротив, для Маймонида чтение, приписывающее Богу телесность, искажает предмет веры. Человек может думать, что защищает Писание, когда сохраняет самый наглядный образ. Однако верность образу способна оказаться неверностью смыслу, если образ понят не в том отношении.

Здесь появляется вопрос о толкователе. Кто определяет, какое значение подходящее? Не подменяет ли философ текст собственной системой? Это действительное затруднение. Нельзя заранее считать любое небуквальное прочтение более глубоким. Толкование должно объяснить, почему выбранное значение подходит и что в самом тексте позволяет его принять. Иначе вместо антропоморфизма возникает другая произвольность: каждое неудобное место объявляют метафорой.

Поэтому пример Маймонида интересен не свободой заменять слова как угодно, а попыткой установить правило. Он связывает чтение с аргументированным представлением о Боге. Можно спорить с этим представлением, но тогда следует спорить с основанием, а не только с тем, что философ отказался от привычной картинки. Разговор становится содержательнее, когда видно, какой именно довод меняет способ интерпретации.

III. Единство означает больше, чем число один

Маймонидовская проблема начинается с понятия единства. Если Бог един, это для него не просто утверждение, что богов насчитали одного. Оно предполагает отсутствие состава и деления. Бог не собран из тела и души, способности и её носителя, сущности и добавленных к ней качеств. Такое понимание предъявляет языку более строгие требования, чем обычное считывание единственного числа.

В части I, главе 52 Маймонид рассматривает разные способы положительного описания. Определение, часть определения, качество и отношение создают трудности при применении к Богу. Их общий риск — описать Его так, как описывают составной предмет. В результате слова, призванные прославить единство, могут незаметно внести множественность.

Чтобы понять логику, представим условное описание человека: он силён, знает языки, любит музыку. Эти признаки различимы, могут изменяться независимо и не исчерпывают его сущности. Их перечисление для человека уместно. Если ту же модель перенести на Бога, получится носитель набора отдельных способностей. Именно такую структуру

Маймонид не допускает. Проблема не в том, что перечислены недостаточно хорошие качества, а в самом способе их приписывания.

Это довод внутри определённой метафизики. Его нельзя считать установленным фактом только потому, что он последовательный. Читатель вправе спросить, почему абсолютную простоту следует принять, и как она соотносится с религиозным обращением к Богу. Но прежде чем возражать, необходимо понять точную претензию: Маймонид не предлагает убрать хорошие свойства, оставив плохие. Он меняет категорию описания.

В таком чтении единство становится дисциплиной мышления. Повторение «Бог один» ещё не доказывает, что остальные высказывания сохраняют этот смысл. Иногда человек защищает понятие словесно и разрушает его способами объяснения. Эта логическая проблема шире религиозной темы. В любой теории следует проверять, совместимы ли конкретные утверждения с её основным принципом. Однако применение к человеческим системам остаётся отдельной аналогией: фирма, личность или государство не обладают маймонидовской абсолютной простотой.

IV. Почему «больше нас» недостаточно

Можно попытаться спасти привычный язык, добавив превосходную степень. Бог знает несравненно больше, живёт бесконечно дольше, обладает бесконечно большей силой. Но в части I, главе 56 Маймонид отвергает именно такую общую шкалу. Различие Бога и человека, по его мысли, не сводится к разнице величины одной способности.

Сравнение по шкале предполагает общее значение признака. Два человека знают разные количества слов, но «знать слово» значит для них примерно одно и то же. Если сказать, что один предмет горячее другого, у них должен быть сопоставимый вид температуры. Маймонид считает, что Божье знание и человеческое знание нельзя объединить подобным образом. Поэтому увеличение числа не устраняет категориальную проблему.

Современный условный пример: компьютер хранит больше записей, чем человек помнит, но увеличение числа записей само по себе не описывает качество человеческого понимания. Измерение полезно для определённой функции, но не переносит все значения слова «знать» между различными предметами. Это ограниченная аналогия к проблеме сравнения. Она ничего не доказывает о сознании машины и тем более о природе Бога.

Здесь особенно опасна фраза «мы почти одно и то же, только в разном масштабе». Для Маймонида она не выражает скромность перед бесконечностью. Она заранее предполагает то общее основание, которое он оспаривает. Даже слово «бесконечно» может оставить в нашем воображении просто чрезмерно большого знакомого носителя силы.

Возникает трудный вопрос: если значение слов настолько различно, как мы вообще понимаем высказывание? Нельзя решить его заменой всех терминов на более туманные. Чем дальше Бог от обычных категорий, тем строже нужно объяснять, какую работу всё ещё выполняет язык. Следующий шаг Маймонида — отрицания и описания действий — является ответом на этот вопрос. Но ответ не снимает всех трудностей; он показывает, какое содержание можно попытаться сохранить, отказавшись от наглядной общей шкалы.

V. Отрицание устраняет ошибку, не рисуя сущность

В части I, главе 58 Маймонид предлагает говорить о Боге посредством отрицательных атрибутов. Смысл этого подхода — не перечислить недостатки. Утверждение «не телесен» исключает телесную модель; «не зависит от причины» исключает производное существование. Но из устранения ошибочного описания не получается полный положительный портрет Божьей сущности.

Эту границу легко потерять. В обычной речи отрицание часто помогает быстро перейти к положительному ответу. Если человек не спит, мы можем предположить, что он бодрствует. Здесь пространство вариантов заранее известно. Но вопрос о Боге, согласно Маймониду, не устроен как выбор между несколькими предметами одной категории. Отрицание должно ограничить неподходящее приписывание, а не поставить Бога в противоположный отсек нашей таблицы.

Поэтому отрицательная теология отличается от фразы «мы вообще ничего не можем сказать». Она позволяет утверждать, что определённая модель не подходит, и объяснять почему. В то же время она отличается от уверенного каталога тайных свойств. Если человек сообщает, что Бог «не такой, как мы», а затем подробно описывает Его внутренние переживания, исходная граница фактически исчезает.

В философском смысле это вопрос о содержательности знания через исключение. Может ли такое знание расти? Да, если исключения основаны на доводах и устраняют действительные ошибки. Но цена подхода — отказ от привычного ощущения, что мы имеем понятный объект перед внутренним взглядом. Читателю приходится различать уверенность, что описание неверно, и знание, каким должен быть исчерпывающий верный образ.

Наше современное применение может касаться лишь этого различения. Например, опровергнуть объяснение события недостаточно, чтобы доказать своё объяснение. Отказ от одной гипотезы сокращает пространство возможностей, но не сообщает автоматически единственный ответ. Это обычная логическая ситуация, а не

отрицательная теология в полном смысле. Сходство структуры полезно; отождествление предметов разрушило бы ту самую осторожность, которой нас учит вопрос Маймонида.

VI. Действия можно описывать, не приписывая эмоции

Если сущность недоступна положительному описанию, как сохранить слова о милосердии и справедливости? В части I, главе 54 Маймонид различает Божьи действия и человеческие состояния, которые обычно побуждают к похожим действиям. Название действия не требует признать в Боге соответствующую эмоцию. Милосердное отношение и внутреннее переживание милосердия не тождественны.

Для человека это различие понятно на менее сложном уровне. Два врача могут выполнить одинаково тщательную работу, переживая разные чувства. По поступку мы иногда многое узнаём, но не всегда знаем полное внутреннее состояние действующего. Сходство результата не гарантирует одинакового мотива. Эта аналогия лишь поясняет различие действия и психического состояния; она не превращает Бога в скрытого человеческого агента.

У Маймонида ограничение гораздо радикальнее: эмоция предполагает изменение, подверженность воздействию и устройство, которое не согласуется с его пониманием Бога. Поэтому читатель должен отказаться от вывода, что описанная забота сообщает Божью психологию. При этом язык действия остаётся содержательным: он относится к тому, как устроен и управляется мир, как мыслитель его понимает.

Вопрос вызывает и возражение. Для многих верующих близость к Богу выражается именно через личное обращение, сочувствие и любовь. Не делает ли строгая философская интерпретация эту близость слишком абстрактной? Статья не решает спор за всех участников традиции. Она показывает его предмет: как сохранить религиозный смысл отношения, не приписывая Богу ограничения человеческой эмоциональности.

С точки зрения чтения важна конкретность. Нельзя сказать просто «Маймонид запрещает говорить о Боге». Он запрещает или переистолковывает определённые способы приписывания. Нельзя также утверждать, что вся иудейская традиция принимает его объяснение каждого образа. Более осторожная формула позволяет понимать его проект, не превращая известного мыслителя в единственного представителя очень разнообразной истории. Тогда различия становятся содержательным вопросом о языке веры, а не соревнованием более рациональных и менее рациональных людей.

VII. Учиться незнанию тоже можно по-разному

В части I, главе 59 Маймонид отвечает на вопрос, чем отличается знание разных людей, если Божья сущность не постигнута. Его ответ связывает продвижение с обоснованным устранением ложных атрибутов. Человек может годами исследовать вопрос и получить важный результат именно в виде более точного отказа от неподходящего представления.

Это отличает дисциплинированное незнание от равнодушия. Фраза «кто вообще знает» может означать, что человек не пытался разобраться. Другая фраза — «это утверждение нельзя принять по таким основаниям» — выражает выполненную работу. Оба собеседника могут не иметь окончательного ответа, но их положение различно. Один не различает вариантов, другой знает, почему некоторые варианты несостоятельны.

В той же главе Маймонид приводит рассказ о молящемся, который добавляет хвалебные определения. Рабби Ханина возражает ему; притча уподобляет такую похвалу прославлению владельца золота за серебро. Ошибка не просто в том, что похвалы слишком мало. Человек выбирает неподходящий вид совершенства. Поэтому прибавление эпитетов не решает задачу: оно продолжает неверное описание. Маймонид отдельно обосновывает употребление установленных молитвенных слов их присутствием в Торе и введением в молитву. Ограничение речи здесь касается самого способа почитания, а не литературного предпочтения краткости.

Однако молчание тоже можно романтизировать. Оно не автоматически доказывает глубину. Человек может молчать из уважения, усталости, отсутствия довода или желания сохранить непроверяемый авторитет. Маймонидовская дисциплина предполагает различение и исследование, а не превращение немоты в знак превосходства. Отсутствие положительного определения не освобождает от объяснения того, что мы всё-таки утверждаем.

Эта тема касается публичного языка. Слова «абсолютный», «вселенский», «неизбежный» иногда создают впечатление завершённого понимания. Но если убрать усиление, остаётся неясная связь между тезисом и основанием. Проверить такое предложение можно простым вопросом: какой новый смысл внёс эпитет? Если он только увеличил эмоциональную силу, довод не стал сильнее. Это наше современное применение, а не заявление, что Маймонид занимался медиаграмотностью. Исторический предмет его работы — речь о Боге; логическую осторожность читатель переносит самостоятельно.

VIII. Разум знает разницу между доводом и доказательством

В части II, главе 25 Маймонид начинает с неожиданного допущения: библейские места о творении можно было бы истолковать иначе, подобно телесным описаниям Бога. Значит, сама возможность небуквального чтения ещё не решает вопрос о вечности мира. Первый довод автора касается доказательства: бестелесность Бога он считает доказанной, вечность мира — нет. Достаточное основание для одного переосмысления не становится основанием для другого лишь потому, что приём чтения похож.

Второй довод касается последствий теории. Аристотелевская вечность в изложении Маймонида связана с неизменной необходимостью природы и исключением чудес. Платоновский вариант он отличает от неё: тот допускает чудеса и не создаёт того же противоречия религии, хотя также остаётся недоказанным. Это два испытания, а не одно: насколько сильны основания и что именно утверждение меняет в понимании откровения. Совместимость с верой не заменяет доказательство; отсутствие доказательства не делает все теории одинаковыми по содержанию.

В части II, главе 24 Маймонид обсуждает трудности астрономической картины своего времени. Для сегодняшнего читателя полезна его готовность обозначать затруднение, но содержание космологии следует видеть исторически. Небесные сферы и тогдашние физические предпосылки не становятся современной научной опорой благодаря философской значимости текста.

Внутри главы разумное возражение получает точный адрес. Спорящему недостаточно сообщить, что буквальное чтение ему не нравится, или что философская теория выглядит стройно. Надо показать, почему её основание требует именно такого изменения текста. Это удерживает философское исследование от двух поспешных решений: запретить толкование вообще или считать допустимым любое толкование, которое спасает предпочитаемую гипотезу. Предложенная граница трудна, потому что спорить можно и о самом статусе доказательства. Статья разбирает заявленные доводы этой главы, не обещая разрешить всю историю интерпретаций «Путеводителя».

Современная аналогия — работа с прогнозом. Хорошо построенная модель способна быть полезной, но её результат зависит от входных данных и принятых допущений. Если человек называет прогноз доказательством, он повышает статус вывода без нового основания. Если же он объявляет любой прогноз бесполезным из-за неопределённости, он теряет содержательную информацию. Маймонидовский вопрос помогает удержать различие статусов, хотя не предлагает нам конкретной современной методики статистики или науки.

IX. Предел языка оставляет работу разуму

Маймонид требует от читателя отказаться от лёгкого чувства обладания предметом. Привычный образ Бога может быть понятным именно потому, что он слишком человеческий. Положительный эпитет может казаться точным потому, что скрывает составность. Превосходная степень способна увеличить картину, не изменив её ошибочной категории. Поэтому работа разума включает не только создание объяснений, но и устранение неподходящих способов объяснять.

Отрицательная теология здесь не является украшением таинственности. Она связана с конкретными метафизическими требованиями: единство, бестелесность, отсутствие состава. Читатель может обсуждать их основания и последствия. Но если превратить учение в общую фразу «Бог непостижим», исчезнет главная работа: почему одни слова ограничены, какие описания действий допустимы и что означает рост знания без положительного портрета сущности.

Есть и человеческая цена этой строгости. Наглядный образ помогает обращаться, любить, молиться и рассказывать. Философское очищение языка может переживаться как потеря близости. Эту трудность не следует устранять насмешкой над религиозным чувством или обещанием, что все способы веры на самом деле одинаковы. Перед нами конкретный проект внутри традиции, вокруг которого возможны серьёзные разногласия.

Его содержательная польза для внешнего читателя — возможность уважать границу знания без отказа думать. Незнание бывает результатом исследования. Метафора может быть выразительной, не становясь буквальным описанием. Отрицание ошибки не всегда сообщает готовую истину. Доказательство отличается от убедительного довода. Эти различения помогают сохранять смысл там, где величественные слова легко подменяют выполненную работу.

Мы можем закончить не молчанием обо всём, а более точным вопросом: что позволяет мне сказать именно это? Если ответ известен, речь получает опору. Если основания недостаточны, можно исследовать дальше или честно сузить утверждение. У Маймонида такая дисциплина служит пониманию Бога. Для читателя она также напоминает, что уважение к предмету начинается с отказа делать его слишком похожим на картину, которой нам удобно владеть.

Что это значит на практике

Практика ниже — упражнение в ясности речи. Она не проверяет истинность религии и не воспроизводит всё учение Маймонида. Выберите одну собственную фразу, которую обычно произносите с уверенностью: о причине события, смысле отношений, работе, устройстве мира. Лучше начать с небольшого вопроса, где возможна спокойная проверка.

Запишите фразу полностью. Затем подчеркните слова, которые делают её максимально широкой: «всегда», «очевидно», «абсолютно», «все», «по природе». Спросите, какое конкретное основание поддерживает именно эту широту. Возможно, вы наблюдали несколько случаев, прочитали определённый текст или приняли мировоззренческую позицию. Эти основания могут быть значимыми, но они различаются. Несколько наблюдений не доказывают «всегда», а религиозное убеждение не становится экспериментальным фактом благодаря уверенной интонации.

После этого разделите известное и исключённое. Что вы действительно можете описать? Какую гипотезу удалось опровергнуть? Если один вариант отвергнут, не записали ли вы противоположный как доказанный без дополнительного шага? Например, отсутствие поддержки одного объяснения конфликта не доказывает конкретный мотив другого человека. Иногда точная формулировка звучит скромнее: «это объяснение не подтверждено; остаются такие варианты».

Следующий шаг касается метафоры. Не используете ли вы образ как буквальное объяснение? «Проект растёт» может обозначать увеличение аудитории, задач или дохода. Эти величины способны двигаться в разные стороны. Образ хорош, пока помогает видеть; когда нужно принять решение, полезно назвать конкретное изменение. Аналогично религиозный или философский образ требует выяснить, что в нём утверждается и в каком отношении.

Наконец, перепишите фразу так, чтобы сохранить содержательную мысль и уменьшить необоснованную широту. Не требуется превращать каждое предложение в осторожное бормотание. Если факт проверен, его можно назвать прямо. Цель — соответствие силы слов силе основания. Через некоторое время посмотрите, стало ли проще обсуждать предмет с несогласным человеком. Уточнённая речь помогает не гарантией примирения, а тем, что спорящие наконец видят, какое утверждение действительно нуждается в ответе.

Проверку можно продолжить на условной сцене. Человек говорит: «Этот проект точно провалится, потому что никто не принимает нашу идею». Здесь соединены прогноз, универсальное описание чужих реакций и возможное переживание разочарования.

Разделите их. Какие ответы действительно получены? Сколько людей ещё не отвечало? Какая часть предложения была отклонена? Что вообще означает успех проекта? Уточнение не обещает оптимистический итог. Оно делает отрицательный вывод настолько сильным, насколько позволяют основания.

После этого рассмотрите противоположную ошибку. Отсутствие доказанного провала не доказывает будущий успех. Нельзя заменить одну чрезмерную уверенность другой только потому, что новая приятнее. Возможно, точная формулировка будет такой: известны определённые препятствия, часть условий пока неизвестна, нужен ограниченный следующий шаг. Это отличается и от капитуляции, и от обещания неизбежной победы.

Отдельно проверьте, не стали ли слова описанием скрытой сущности человека. «Он ненадёжный по природе» может опираться на конкретный невыполненный договор, но распространяется гораздо дальше. Можно назвать факт, его последствия и необходимую границу, не заявляя полного знания чужого характера. Такая осторожность не требует терпеть повторное нарушение. Она позволяет защищать себя без лишнего утверждения, которое невозможно обосновать.

Наконец, оставьте в записи место для пересмотра. Какой новый факт изменил бы ваше мнение? Если никакой, вы, возможно, выражаете принятую позицию или личный предел, а не проверяемый прогноз. Это допустимые виды речи, но их стоит назвать честно. Мы переносим из исторического философского вопроса дисциплину различения; мы не утверждаем, что бытовое решение имеет тот же предмет или те же метафизические основания, что отрицательная теология Маймонида.

Полезно также проверить, не требуете ли вы от другого человека большего основания, чем от себя. Собственный тезис часто кажется очевидным, а чужой — нуждающимся в подробном доказательстве. Попробуйте записать оба положения одинаково спокойно и назвать, что поддерживает каждое. Если основания различны, сравните их роль; если одинаковы, не меняйте стандарт только из-за симпатии к выводу. Такое упражнение не решает средневековый спор о познании Бога. Оно делает современную речь честнее в том месте, где уверенность могла незаметно подменить выполненную работу.

Ключевая цитата

> *«Посредством отрицаний».*

Маймонид, «Путеводитель», I.59, абзац о доступном человеку знании Бога, собственный перевод короткого фрагмента Friedländer, CCEL. Выражение входит в утверждение, что такое знание достигается только посредством отрицаний. Речь об обоснованном

исключении неподходящего атрибута, а не произвольном отрицании всего. Эпиграф и итоговая формула передают напряжение роста знания и предела постижения.

Связи между традициями

Сопоставления аналитические. Они не доказывают влияния и сохраняют различие предметов, о которых говорят авторы.

Позиции и источники	Связь	Граница
Маймонид, I.1, и Бытие 1:27	Философское толкование проверяет, что означает библейский образ.	Это отношение интерпретации внутри традиции, а не два независимых утверждения о внешности Бога.
Маймонид, I.54, и Шнеур-Залман, «Тания», 7	Действие рассматривается в отношении к божественному, но вопрос поставлен на разных уровнях.	Маймонид объясняет Божьи действия без приписывания Ему человеческих эмоций; «Тания» разбирает направление человеческого действия. Это не два одинаковых учения о намерении.
Маймонид, I.58–59, и «Дао дэ цзин», 1	Привычное имя или описание не исчерпывает своего предельного предмета.	Бестелесный Бог Маймонида не отождествляется с Дао; одинаковое ограничение языка не установлено.
Маймонид, II.25, и «Ригведа», X.129.6–7	Вопрос о происхождении требует уточнить степень знания.	Различение доказательства и недоказанной теории отличается от поэтического вопроса о начале; авторские ответы не совпадают.
Маймонид, I.59, и Конфуций, «Лунь юй», II.17	Признание предела может выражать работу понимания.	Конфуцианское различение знания и незнания не является отрицательной теологией и не предполагает маймонидовской метафизики.

Первоисточники

• Kenneth Seeskin. Maimonides, *Stanford Encyclopedia of Philosophy*: академический контекст жизни, трудов, отрицательной теологии и интерпретационных споров; прочитаны тематические разделы, не все работы библиографии.

• Moses Maimonides. *The Guide for the Perplexed*, английский перевод M. Friedländer, 2-е издание 1904, электронная версия CCEL. I.1: образ и подобие.

• Тот же труд, I.52: способы приписывания атрибутов.

• Тот же труд, I.54: действия и эмоциональные атрибуты.

• Тот же труд, I.56: отсутствие общей шкалы Божьих и человеческих атрибутов.

• Тот же труд, I.58: отрицательные атрибуты.

• Тот же труд, I.59: продвижение через отрицания, ограничение похвалы.

• Тот же труд, II.24: затруднения средневековой астрономии.

• Тот же труд, II.25: доказательство, гипотеза и вопрос творения. Нумерация URL CCEL не всегда совпадает с заголовком главы; здесь указаны проверенные заголовки. Названные главы «Путеводителя» прочитаны как отдельные главы одной работы, а не как восемь независимых исследований.

• Бытие 1:26–27, английская версия JPS 1917 на Mechon Mamre. Первичный библейский текст; прочитан фрагмент, роль — предмет интерпретации образа.

• Шнеур-Залман. «Тания», глава 7, основной текст с пояснениями Йосефа Вайнберга, Kehot/Chabad.org. Прочитан раздел о намерении и дозволенной материальной деятельности; роль — ограниченное внутритрадиционное сравнение.

• «Дао дэ цзин», глава 1, традиционная атрибуция Лао-цзы, перевод James Legge. Прочитана глава; роль — ограничение именования, без отождествления Дао с Богом.

• «Ригведа», X.129.6–7, перевод Ralph T. H. Griffith. Прочитан гимн целиком; роль — поэтический предел знания о происхождении.

• Конфуций и ученики. «Лунь юй», II.17, английская версия Internet Classics Archive; переводчик на странице явно не указан. Прочитано высказывание и ближайший контекст; роль — знание и признание незнания.

Теги

Маймонид, Рамбам, Путеводитель растерянных, иудаизм, философия религии, отрицательная теология, апофатика, разум, язык, Бог, бестелесность, единство, сущность, действия, атрибуты, метафора, образ Бога, Тора, доказательство, гипотеза, творение, средневековая философия, незнание, интерпретация, точность, Лао-цзы, Дао, Ригведа, Конфуций, дисциплина мышления, межкультурное сравнение

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.